С.-Ц. ЦЫБИКОВ – СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОЙ БУРЯТСКОЙ ШКОЛЫ БУДДИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Бардалеева Светлана Батюровна
Хранитель коллекции «Буддизм» отдела фондов,
Национальный музей Республики Бурятия.
Россия, г. Улан-Удэ.
sbardaleeva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается творческое наследие С.-Ц. Цыбикова и его учеников, представлявших оронгойскую школу деревянной скульптуры, созданную мастером в приходе Янгажинского дацана в конце XIX – начале XX века. Автор статьи ставит своей целью представить «эталонные» работы старых бурятских мастеров, создавших основу для творчества следующих поколений ваятелей и художников.

Ключевые слова: Оронгой; оронгойская школа; бурятская скульптура; буддийское искусство; дацан; каноны иконометрии; полихромность; золоченая роспись.

Библиографическое описание для цитирования:

Бардалеева С.Б. С.-Ц. Цыбиков – создатель первой бурятской школы буддийской скульптуры // Искусство Евразии. – 2019. – № 4 (15). – С. 50-65. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.005. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/1641189/13/>.

Имя бурятского ламы – скульптора Санжи-Цыбик Цыбикова (1877–1934) впервые было упомянуто в 1963 г. в совместной статье знатока бурятской культуры Г.А. Ленхобоева и буддолога К.М. Герасимовой «Материалы о народных умельцах Оронгоя» [11]. На выставке «Искусство Бурятии XVIII – XIX вв.», экспонировавшейся в 1970 г. в Музее искусств Востока (г. Москва), впервые демонстрировались работы С.-Ц. Цыбикова и его учеников. В скромном каталоге выставки [9] имеются черно-белые фотографии его скульптуры «Аюша» и работы мастеров его школы. Одновременно был издан набор цветных открыток с экспонатами выставки.

Кругу искусствоведов имя С.-Ц. Цыбикова становится известным именно с 1970-х гг. Многие искусствоведы оценивают его произведения как «эталонные», непревзойденные по мастерству и духовной наполненности. В работах И.И. Соктовой [6; 14], Ц.-Б.Б. Бадмажапова [1], С.Б. Бардалеевой [4] отмечаются полихромность бурятской деревянной скульптуры, единообразие и устойчивость стиля, а также то, что символические тантрийские формы божеств излучают «глубоко скрытую красоту».

В Национальном музее истории Бурятии хранится более 100 скульптурных работ и ритуальных предметов С.-Ц. Цыбикова и мастеров его школы. Неоднократно экспонировались работы мастеров Янгажинского дацана во многих музеях нашей

страны и за рубежом. Создан альбом, посвященный С.-Ц. Цыбикову и работам мастеров его школы.

Для развития бурятской буддийской культуры и искусства фигура высокообразованного габжа-ламы Янгажинского дацана, скульптора Санжи-Цыбик Цыбикова исключительно значима. Его жизнь была необыкновенно плодотворной и трагически оборвалась в 1930-е годы. Вглядываясь в таинственные образы буддийских божеств, излучающих тепло и энергию рук художника, чувствуешь, что эти образы создал вдохновенный мастер. С.-Ц. Цыбиков был философом, знаменитым художником-универсалом: мастером по художественной росписи, архитектором, иконописцем и скульптором [13], называемым в народе «уран дархан» (искусный мастер). Созданные им проникновенные образы буддийских божеств потрясают своей редкой одухотворенностью. Он был учеником Великого Ламы *Даши-Доржо Итигэлова* (1852–1927), который являлся для него Коренным Учителем. Творчество С.-Ц. Цыбикова было освящено его авторитетом. С.-Ц. Цыбиков известен более всего как скульптор. Наследие мастера во многом составляют уникальные скульптурные произведения мирового значения по эстетическому и духовному уровню. Художник создавал образы буддийских божеств, которые воздействовали на сознание бурята-кочевника, убеждали его поверить в божественные воплощения, несущие в себе абстрактные идеи буддийского учения.

Санжи-Цыбик Цыбиков родился в 1877 году в улусе Очир-Булак (позже слился с селом Верхняя Иволга Иволгинского района). Он был *хувараком* (послушником) Янгажинского дацана, где окончил философский факультет (*цаннит-дацан*), защитил звание *гэбши* после девятилетнего обучения, участвовал в финальном философском диспуте и был удостоен степени *гэбши*, а затем *габжи* (букв.: «освоивший десять трудных наук»), уже пройдя полный курс буддийской философии. Эту высокую ученую степень на уровне доктора наук возможно было защитить тогда в дацанах Забайкалья.

В 1895 г. в Янгажинский дацан возвращается высокочтимый Даши-Доржо Итигэлов (1852–1927) после многих лет учебы в других больших дацанах Забайкалья в звании *габжа-ламы*. Он начал преподавать философию в цаннит-дацане, где в это время проходил обучение С.-Ц. Цыбиков. Ученый лама обратил внимание на способного ученика, заметил его художественный талант. Для С.-Ц. Цыбикова он становится Коренным Учителем. Даже после того как Д.-Д. Итигэлов становится Пандито Хамбо Ламой, они продолжали общаться. Многие посвящения Цыбиков получил от своего Коренного Учителя. Близкое общение с таким духовным авторитетом сформировало его как личность. Но в дальнейшем жизнь С.-Ц. Цыбикова сложилась по-иному. У него было другое предназначение в жизни, особый путь буддийского художника.

По рассказам его родной племянницы Норбо, маленький Санжи-Цыбик находил в окрестностях своего улуса особую глину, из которой лепил изображения животных, фигурки забавных зверушек и оставлял сушиться их на столбиках, где они застывали. Уже с малых лет он говорил матери, что станет художником, и его желание сбылось, когда его отдали в послушники – хувараки Янгажинского дацана. Каждый раз его мама, смотря на эти глиняные фигурки на столбиках, радовалась им и вспоминала сына [13].

Односельчане С.-Ц. Цыбикова вспоминали, что он при себе имел кусочек глины или маленький ножичек и, общаясь с ними, успевал вылепить или смастерить какую-нибудь фигурку. Эта его особенность являлась интуитивной потребностью выразить себя в художественном творчестве.

Именно философское образование, знание канонов иконометрии и иконографии буддийских божеств и исключительный природный дар художника выдвинули этого выдающегося человека на особое место и дали право называться *Багша* (бурят.), то есть Учителем. Лидерские особенности его характера способствовали тому, что вокруг него собирались народные умельцы. Именно ему было суждено создать первую региональную школу деревянной резьбы и культовой скульптуры, оставившую значительный след в бурятском искусстве. В организованной им школе он обучал учеников, уже известных мастеров, канонам и технологиям изображения священных образов. О мастерстве С.-Ц. Цыбикова ходили легенды, имя его с благоговением произносили ученики.

Легендарный Мастер был настоящим служителем искусства, всю свою жизнь он посвятил своим творениям, не гнался за славой и достатком. Как преподаватель был требователен к ученикам, учил их не только строгому следованию канонам, но и творческому подходу к ним. Внешне он был высокого роста, аскетического вида, немногословным и сдержанным человеком, очень скромным и непритязательным в быту. У родственников художника сохранилась единственная фотография, где С.-Ц. Цыбиков (рис. 1) сидит с ламами Янгажинского дацана (рис. 2). Снимок плохо сохранился, нечеткие черты лица, но привлекают его добрые, немного печальные глаза, а также руки художника – тонкая красивая кисть с длинными пальцами.

Рис. 1. Санжи-Цыбик Цыбиков (1877–1934) – габжа-лама Янгажинского дацана, знаменитый скульптор, архитектор и иконописец. Создатель первой бурятской школы буддийской скульптуры. Фото 1920-х годов.

Рис. 2. Общий вид Янгажинского дацана (основан в 1831 г.). Фото 1938 г.

«Дацанское» искусство конца XIX – начала XX века ярко представлено эталонными скульптурными произведениями С.-Ц. Цыбикова и работами мастеров оронгойской школы, созданной им при Янгажинском дацане. Школа С.-Ц. Цыбикова – «это первая бурятская профессиональная школа, где были выработаны единый стиль, технологии изготовления красок, свои “секреты” мастерства и различных техник, изобретены особые виды клеев и растворителей» [2, с. 101]. Эта особая «дацанская» школа дала мастеров-универсалов, которые были известны далеко за пределами края как «суута оронгын дархашуул» (бурят. «знаменитые оронгойские мастера»).

Мастер, создавая школу, сам занимался отбором учеников, оставляя самых способных и умелых. Знакомил их с буддийской иконографией и иконометрией разных классов божеств, показывал сложные расчеты и схемы изображения божеств, восходящих еще к древнеиндийским трактатам, к традициям *Калачакра*- и *Самвара-тантры* [8], дошедших до наших дней только в тибетских переводах. Учитель рассказывал о различных модулях – мерах, основанных на размерах ладоней (санскр. *тала*) и пальцев (санскр. *ангула*), в бурятской традиции – «*альган*» (ладонь) и «*хурган*» (палец), о существовании системы девяти-десяти ладоней (*деватала* – *даштатала* (санскр.), по-бурятски «*арбан-юхан альгатан*» – для высших божеств и шести-восьми ладоней (*аштатала*), «*найман альгатан*» – для гневных форм защитников веры).

Наряду с теорией мастер обучал учеников и самой технологии изготовления скульптур из дерева, папье-маше и других материалов.

С.-Ц. Цыбиков, в основном, работал по дереву, особенно он любил древесину кедра, мягкую и податливую, пластические свойства которой отвечали его стремлению к лаконичности и обобщенности форм. С.-Ц. Цыбиков использовал и технику папье-маше, но чаще – комбинированную или смешанную, более сложную и трудоемкую по технологии. Сначала вырезалась фигура из дерева, затем ее оклеивали тканью, сверху наносили слой измельченной бумаги, смешанной с растительным клеем. В конце

работы скульптуру обмазывали глиной с клеевым связующим, изготовленным из отвара корней некоторых растений. Такая смешанная техника позволяла художнику заниматься более тонкой проработкой мелких деталей и отдельных фрагментов, совершенствовать пластический рисунок. Иногда в одном произведении могли использовать разные материалы и техники: в деревянной скульптуре отдельно «для атрибутов, деталей украшений» [5, с. 77], а для хрупких деталей использовалась крашеная жость, прочеканенная медь и серебро для украшений [14].

Технология изготовления божества «*бурхана*» имеет сакральный смысл и является магическим действием, своеобразным видом богослужения, и он не предназначался для передачи посторонним. Без духовного посвящения нельзя было заниматься изображением священных образов, необходимо было иметь некое «разрешение» на их изготовление. Поэтому иконописью и скульптурой могли заниматься лишь художники из ламского сословия, посвященные в таинство [8]. Знаменитый мастер был знатоком структуры культа изображаемых божеств на различных уровнях храмовой и бытовой практики, знаком с ритуальными текстами – *солчогам* (тиб.). Для полного и лучшего воплощения божественного образа С.-Ц. Цыбиков занимался медитацией, погружался в состояние внутренней сосредоточенности и старался интуитивно познать то божество, образ которого он создавал.

Творческий процесс, предписанный в древнеиндийских трактатах, должен соответствовать трем требованиям [7]: самоочищение художника, создание мысленного образа божества и полное слияние с ним, затем – претворение этого образа в материале. Канонические требования священного искусства не мешали свободному творчеству художников, так как невозможно создать два совершенно одинаковых произведения. Свои творения С.-Ц. Цыбиков создавал «в естественном человеческом облике, стремился выразить свое личное понимание буддийских идей красоты, гармонии, добра и мудрости» [2, с. 101], придавая образам этнические черты, близкие народным идеалам.

Первые десятилетия XX в. становятся самым плодотворным периодом творчества художника. Имя его как зрелого мастера и блестящего скульптора становится известным, созданная им школа мастеров-универсалов приобретает известность далеко за пределами своего края. Главными помощниками-скульпторами С.-Ц. Цыбикова были Гарма Ленхобоев, братья Даши и Мунко Санжиевы, Жимба Жамбаин, Даба Жамсаранов и другие мастера – резчики из сел Янгажин, Харгана, Верхний и Нижний Оронгой. В своей школе Цыбиков обучил около тридцати мастеров. В полном составе ученики школы исполняли большой заказ или собирались для сооружения монументальных скульптур.

Весь скульптурный ансамбль Янгажинского дацана был выполнен учениками школы во главе с С.-Ц. Цыбиковым, где для каждого дугана исполнялись скульптурные изображения божеств. В дацане насчитывалось девять храмов-дуганов: главный храм – каменный трехэтажный *Согшин дуган*, затем *Чойра*, *Деважин*, *Дари эхын*, *Дуйнхор*, *Мамба*, *Майдарин*, *Джуд* и *Гунриг*.

В Майдарин дугане была сооружена колоссальная статуя Будды Грядущего Майтрейи (бурят. *Майдар-бурхан*), при изготовлении этой статуи использовалась драгоценная древесина кедра. Близ с. Иволга находилось кедровое урочище, откуда

везли деревья на двадцати подводах. Все мастера принимали участие в строительстве Майдарин дугана и возведении статуи Майдар-бурхана.

Среди архивных материалов по Янгажинскому дацану в фондах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова сохранился документ – приговор (протокол собрания) от 8 февраля 1921 года. В нем прихожане Янгажинского дацана, «собравшись по случаю праздника “Саган-Сара”, единогласно постановили: соорудить памятник в возможно громаднейшем размере “Майдар” из дерева, с надлежащими окрасками». На протоколе 11 фамилий прихожан с подписями на русском языке, а 41 фамилия – на старописьменном монгольском языке.

С.-Ц. Цыбиков руководил работами и одновременно знакомил учеников с расчетами, необходимыми пропорциями фигуры бурхана, обучал правилам сооружения монументальных скульптур. Его великолепное чувство меры иллюстрирует один из моментов возведения статуи: заметив снизу, что один из фрагментов фигуры не соответствует по размеру, Мастер сам вырезал эту деталь, которая точно встала на место. Его художественное видение, умение точно рассчитать параметры скульптуры, исключительное владение резцом позволили воплотить в дереве великолепный образ Будды Грядущего, отвечающий всем чаяниям верующих.

Существуют определенные правила изготовления буддийских скульптур, когда их внутри оставляют полыми, чтобы потом заполнить эту пустоту, превратить статую в магическую реальность. Верующему важна была не только внешняя оболочка скульптуры, но и внутренняя божественная суть. Вложения в скульптуру Майдар-бурхана состояли из множества ритуальных текстов, зерен, благовонных трав, дарственных шарфов-*хадаков*, полудрагоценных камней и других подношений. Статуя представляла собой образ Будды Майтрейи, сидящего со спущенными ногами, то есть готового спуститься из рая Тушита в мир людей. Скульптура была искусно вырезана, позолочена, ярко расписана минеральными красками. После освящения она превратилась в святыню всего прихода, в воплощение Будды Грядущего. «Сохранилась фотография этого монумента, имевшего 16-метровую высоту и стоявшего в специальном храме – Майдарин сумэ» [5, с. 74], голова статуи находилась на уровне 3-го этажа. Этому образу Будды Грядущего необычайной одухотворенности и жизненной силы не суждено было сохраниться до наших дней. Статуя была разрушена в 1930-е годы.

За свою жизнь Мастер успел сделать многое, его творческая активность была феноменальной: «он работал не только для Янгажинского дацана, но и для резиденции Хамбо лам – *Хамбын Хурэ* (Гамчинского, или Гусиноозерского дацана), по заказу которого он создал великолепную композицию *Деважина* (Западный рай – «чистую землю» Будды *Амитабхи*)» [5, с. 74]. Также «под его руководством возводились многие дацаны на территории этнической Бурятии, мастера его школы строили дацаны в Монголии, их приглашали строить дома в русских селениях» [4, с. 11], расписывать православные церкви, работали они и в соседних регионах – в Иркутске и Красноярском крае [9].

К счастью, «время пощадило один из уникальных скульптурных комплексов – объемную мандалу *татхагаты Сарвавид (Всеведущего) Вайрочаны* (санскр.), или *Гунриг* (бурят.), выполненную мастерами во главе с С.-Ц. Цыбиковым для сумэ *Гунриг* Янгажинского дацана. Мандала Будды Вайрочаны считается одной из древнейших мандал индийского происхождения и относится к классу *йога-тантр*. Известно, что

обитель этого божества – страна *Акаништха* (санскр.) считается высшей и наиболее совершенной из миров» [5, с. 74]. Прижизненное поклонение божествам мандалы дает спасение от плохих перерождений, изменяет неблагоприятную карму и возможность возрождения в райских «чистых землях» в разных сторонах космического пространства.

В музей в конце 1930–50-х гг. попали сохранившиеся культовые предметы из Янгажинского дацана, в том числе и «комплекс мандалы Гунриг в неполном составе, из 37 фигурок сохранилось 35, сильно поврежденных, с утратами фрагментов и атрибутов» [5, с. 75] (рис. 3, 4). Сохранилась танка Янгажинского дацана «Мистический цикл 37 божеств мандалы Гунриг», что указывает на распространенность этого ритуала в дацанах.

*Рис. 3. С.-Ц. Цыбиков.
Ваджрафага (санскр.),
Доржи Шагба (тиб.) –
ваджрабодхисаттва из мандалы
Гунрига. Оронгой, Янгажинский
дацан. Нач. XX в. Дерево,
минеральные краски; резьба,
ропись. 46 x 30 x 20 см.
Национальный музей Республики
Бурятия.*

В начале 80-х годов XX века скульптуры мандалы были атрибутированы при консультации XX Пандито Хамбо-ламы Жимба-Жамсо Эрдынеева (1907–1990), созданы фотоальбом и макет реконструкции этого памятника реставратором Государственного Эрмитажа М.Н. Лебель, тибетологом Д.Б. Дашиевым был сделан перевод обрядовой Тантры *Сарвавид татхагаты* из тибетских текстов. Фигуры мандалы были отреставрированы в течение трех лет, восстановлены их атрибуты, короны и украшения [10].

С 1970-х годов работы С.-Ц. Цыбикова и мастеров его школы экспонировались на многих отечественных и зарубежных выставках: в Москве, Ленинграде; Сирии, Японии, Франции и Испании.

Рис. 4. Шридеви (санскр.), Палден Ахамо (тиб.), хама-сахюусан (бурят.) со спутниками – гневное охранительное божество класса дхармапал, почитается как богиня времени. Школа С.-Ц. Цыбикова. Оронгой, Янгажинский дацан. Нач. XX в. Дерево, минеральные краски; резьба прорезная, роспись. 35,5 x 34 x 11 см. Национальный музей Республики Бурятия.

В 1998 году, когда Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова после долгих лет реконструкции был открыт выставкой «Буддийское искусство», впервые посетители увидели в большом количестве произведения выдающегося мастера С.-Ц. Цыбикова и учеников его школы. Показаны были скульптуры мандалы Гунриг, триада Будд долголетия, «фигура грозного защитника веры *Жамсарана* и редкое иконографическое изображение его горной обители – *Жамсаранай орон*» [5, с. 75]. В комплексном экспонировании скульптур четко просматривается не только общность иконографической группы, но и единство стиля исполнения и той духовной силы, которая объединяет эти фигуры.

Особо привлекателен образ Будды долгой жизни *Аюши* (санскр. Амитаюс) (рис. 5), представляющий высший эталон мастерства художника. Не нарушая жесткие каноны пропорций и иконометрии, скульптор сумел создать совершенный образ божества, передать гармонию его внешней и внутренней красоты, мужественный благородный лик которого с сосредоточенным взглядом символизирует глубину мудрости. По силе художественного обобщения, по технике и пластике изображения телесной красоты мужского божества, по выразительности черт лица узнается особый стиль художника-философа.

К раннему периоду творчества Мастера относятся «фигуры богини милосердия Белой Тары (рис. 6, 7), бодхисаттвы беспредельного сострадания Четырехликого Авалокитешвары, Будды Грядущего Майтрейи, Будды созерцания Вайрочаны (рис. 8), одинаковых по размерам, близких по технике исполнения, пластическому рисунку, пропорциональности форм и по той одухотворенности и возвышенности образов» [5, с. 76], характерных для его творений. Воплотить эти образы мог только художник с сильным воображением и способностью видеть перед своим внутренним взором именно эти образы, с величавым спокойствием в линиях тела, прекрасными чертами лица, выразительными жестами рук, с тонкими, изящными пальцами.

Рис. 5. С.-Ц. Цыбиков. Амитаюс (санскр.), Аюша (бурят.) – Будда «бесконечной жизни». Бурятия, Оронгой, Янгажинский дацан. Нач. XX в. Дерево, минеральные краски; резьба, роспись. 120 x 88 x 60 см. Национальный музей Республики Бурятия.

Рис. 6. Ситатара (санскр.), Сагаан Дага эхэ (бурят.) – бодхисаттва милосердия и сострадания. Школа С.-Ц. Цыбикова. Оронгой, Янгажинский дацан. Нач. XX в. Папье-маше, дерево, минеральные краски; лепка, роспись. 63 x 48 x 24 см. Национальный музей Республики Бурятия.

Рис. 7. Ситатара (санскр.). Вид со спины. Школа С.-Ц. Цыбикова. Оронгой, Янгажинский дацан. Нач. XX в. Папье-маше, дерево, минеральные краски; лепка, роспись. 63 x 48 x 24 см. Национальный музей Республики Бурятия.

Рис. 8. С.-Ц. Цыбиков. Вайрочана (санскр.), Кунриг (тиб.), Гунриг (бурят.) – Четырехликий Татхагата, Будда центра. Оронгой, Янгажинский дацан. Кон. XIX – нач. XX вв. Дерево, папье-маше, минеральные краски; резьба, роспись. 44 x 39 x 27 см. Национальный музей Республики Бурятия.

Все свои скульптурные творения художник расписывал минеральными красками, придающими им особый колорит, теплый, живой цвет. Изысканный орнамент на одеяниях и украшениях божеств расписан золотом. Фигуры божеств восседают на «лотосовых» тронах с широким устойчивым основанием, с рельефно вырезанными лепестками лотоса. Вид «лотоса», общий пластический рисунок, светлые умиротворенные лики, малые формы указывают на его раннюю пластику. Среди них особо выразителен образ стоящего Будды Майтрейи. Он выглядит прекрасным принцем, привлекающим величавой, царственной осанкой. Его корона изготовлена из меди, представляет образец смешанной техники. Нежны поэтические образы Белой и Зеленой Тар, богинь «спасительниц», чадоподательниц, покровителей семейного счастья. Несколько необычен образ богини музыки, искусств и красноречия Сарасвати (бурят. *Янжима*), исполняющей песню. Совершенны и бесстрастны прекрасные лики татхагата Вайрочаны и бодхисаттвы Авалокитешвары.

В северном буддизме особо почитаемыми были образы Учителей – знатоков и распространителей Учения. Наиболее почитаемым из них был священный образ Великого Чже Цзонхавы (1357–1419), знаменитого буддийского проповедника Тибета, основоположника новой школы *гелугпа* («школы благого закона»), или «желтошапочников». Чже Цзонхава почитался как совершенный, милосердный Бодхисаттва и как третий Будда [15]. Благодаря активной поддержке его учеников, строительству новых монастырей, Учение школы получило широкое развитие и стало главенствующим в Тибете. Культы самого Чже Цзонхавы и триады «Чже Цзонхава

с учениками Жалсаб-Чже и Хайдаб-Чже», называемой группой «отец с сыновьями», были широко распространены и в Бурятии.

В музейной коллекции из Янгажинского дацана имеются несколько образов Чже Цзонхавы, а также группы «Цзонхава с учениками». Одной из ранних работ С.-Ц. Цыбикова считается скульптурный портрет Чже Цзонхавы (бурят. *Богдо Зонхобо*), выполненный в дереве (рис. 9). Скульптура с тонко проработанными деталями и изысканной орнаментальной росписью. Этот светлый улыбчивый образ, с трогательными ямочками на щеках, добродушный и довольный, более близок к народной фольклорной традиции. Но почерк художника заметен уже здесь, где особая пластика, изящество в исполнении деталей сочетается с типом лотосового сидения и золоченой росписью.

Рис. 9. С.-Ц. Цыбиков. Чже Цзонхава (1357–1419), Богдо Зонхобо (бурят.) – знаменитый тибетский проповедник, основоположник школы «гелугпа». Оронгой, Янгажинский дацан. Кон. XIX – нач. XX вв. Дерево, папье-маше, минеральные краски; резьба, роспись. 55 x 54 x 18 см. Национальный музей Республики Бурятия.

Рис. 10. С.-Ц. Цыбиков. Лубсан-Ниндаг Банзаракишеев – настоятель (ширээтэ) Янгажинского дацана с 1880 по 1902 гг. Мемориальная скульптура. Оронгой, Янгажинский дацан. Нач. XX в. Дерево, минеральные краски; резьба, роспись. 87 x 75 x 63 см. Национальный музей Республики Бурятия.

Мастер создавал и реалистические портреты бурятских лам. По воспоминаниям современников, в главном Согшин-дугане Янгажинского дацана находилась скульптура *ширээтэ* (настоятеля) дацана Банзаракишеева Лубсан-Ниндага (рис. 10), который с 1880 по 1902 годы возглавлял дацан и много сделал для его развития. Он был одним из учителей С.-Ц. Цыбикова, очень почитавшего его. Прихожане называли скульптуру

«Бурхан-лама» [12] и даже поклонялись ему. Образ учителя выполнен С.-Ц. Цыбиковым с особой любовью, представляет личность с высоким интеллектом и являет собой обобщенный образ духовного Учителя-наставника. Скульптура пополнила галерею мемориальных (посмертных) скульптурных портретов известных бурятских лам, достигших больших духовных реализаций в практике и укреплении веры буддийской.

Поздние работы Мастера отличаются массивностью и объемом форм, в них исчезает «высокий» рельеф в оформлении «лотосового» сиденья. Короны божеств имеют характерные особенности: веерообразное крепление пяти отдельных лепестков к ободу короны, серьги божеств повторяют лепестки короны, а своеобразные извивающиеся шарфы выполнены из крашеной жести. В образах божеств отмечается выражение спокойствия и углубленного самосозерцания. Он особое внимание уделяет внутреннему содержанию божественного образа, его духовной силе и исключительности.

В отличие от Мастера ученики школы воплощают в своих работах образы популярных в народе божеств долголетия, богатства, плодородия, покровителей домашнего очага, стражей – махараджей с фольклорными чертами бурятских *баторов* (богатырей), более понятных простым верующим.

Образ Белого Старца (бурят. *Сагаан Убгэн*) – древнего языческого божества плодородия, хранителя жизни, долголетия, покровителя всего «сущего» на земле был настолько популярным в народе, что буддизм ввел его в свой пантеон в качестве второстепенного божества. В работах оронгойских мастеров было много вариантов изображения этого древнего божества в облике мудрого седого старца в окружении пар животных и птиц, исполненных в простонародной манере. Кроме этого, популярными были сюжеты о Дугар Зайсане, монгольском баторе, победившем бешеного тигра, а также изображения животных «*туниэ*» (древне-индийская легенда «о четырех разумных» или «четверо дружных»), пары львов – символов могущества и силы, божественной птицы Гаруды. Многие троны высших божеств увенчаны изображениями взлетающего Гаруды – символа человеческого разума, стремящегося к Просветлению (рис. 11).

*Рис. 11. Хан-Гаруда (бурят.) – мифический царь птиц, один из защитников Учения.
Школа С.-Ц. Цыбикова. Оронгой, Янгажинский дацан. Кон. XIX – нач. XX вв. Дерево, минеральные краски; резьба, роспись.
50 x 45 x 9 см. Национальный музей Республики Бурятия.*

Тяжелыми оказались последние годы жизни С.-Ц. Цыбикова, когда он подвергся репрессиям 1930-х годов. Мастер в это время жил в Очир-Булаке, где была создана коммуна «Улан Туя», там он подрабатывал как плотник, столяр, кузнец. Односельчане рассказывали, что он получал заказы от сельсовета и музея (первое его название – Бурят-Монгольский национальный музей, открытый в 1923 г.) на изготовление скульптур. В фондах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова с тех времен сохранились скульптурный портрет В.И. Ленина, стоящего в традиционной позе, небольшие деревянные скульптурки генерал-губернатора, губернатора, градоначальника и чиновника – нойона.

По информации его односельчанина, С.-Ц. Цыбиков в 1931 г. был посажен в тюрьму г. Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), где он пробыл с другими арестованными ламами один месяц. Его родная племянница Норбо вспоминала, что, когда она посещала его, он отказывался от передач, не брал одежду, постоянно молчал, ни с кем в камере не общался. Возможно, он находился в состоянии медитации. Остальных лам уводили на расстрел, и, наконец, он остался в камере один. Когда настала очередь его, оказалось, что документы С.-Ц. Цыбикова исчезли, обнаружить их не удалось, и начальник тюрьмы вынужден был отпустить его. Благословения Будд и Бодхисаттв, образы которых он творил, смогли защитить его от уничтожения.

В 1934 г. Санжи-Цыбик Цыбиков ушел из жизни.

Вся жизнь этого выдающегося мастера была посвящена служению и творению священных образов, имя его стало легендой еще при жизни и навеки останется в памяти народа. Особым знаком является то, что творения С.-Ц. Цыбикова сохранились во времена тяжелых испытаний, а в наше время они представляют величайшую художественную и духовную ценность и являются святынями бурятского народа.

Литература

1. Бадмажапов Ц.Б.Б. К интерпретации изображения божества из мандалы Кунрига // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии / Отв. ред. Р.Е. Пубаев. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 116-120.
2. Бальжурова А.Ж. Формирование бурятских школ тханкописи в конце XIX – начале XX в. // Буддийское искусство: традиции и инновации : сб. ст. II Международного научного симпозиума 4–6 августа 2017 г., Улан-Удэ / Отв. ред. В.В. Деменова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 95-107.
3. Бардалеева С.Б. Ваятель священных образов // Наследие народов Российской Федерации. Сокровища культуры Бурятии. – СПб.: [б. и.], 2002. – С. 256-267.
4. Бардалеева С.Б. Санжи-Цыбик Цыбиков (1877–1934) и школа буддийской скульптуры в Янгажинском дацане // Санжи-Цыбик Цыбиков. – Улан-Удэ: Буддийская традиционная сангха России, 2006. – С. 8-14.
5. Бардалеева С.Б. Традиции школы С.-Ц. Цыбикова и их влияние на творчество современных мастеров // Современное буддийское искусство: традиции и инновации: сб. ст. / отв. Ред. В. В. Деменова, О. А. Уроженко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 72-80.
6. Бурятская деревянная скульптура / сост.: И.И. Соктоева, К.М. Герасимова, отв. ред. В.Ц. Найдаков. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. – 77 с.: ил.7.

7. Герасимова К.М. Бурятское искусство XVIII – нач. XX вв. // Искусство. – 1972. – № 9. – С. 58-66.
8. Герасимова К.М. Памятники эстетической мысли Востока: Тибетский канон пропорций / Отв. ред. Б.В. Семичов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. – 304 с.
9. Каталог выставки «Искусство Бурятии XVIII – XIX вв.» / Авт. вст. ст. К.М. Герасимова и И.И. Соктоева. М., 1970. – 51 с.
10. Лебелъ М.Н. Консервация и реконструкция ритуальной скульптуры бурятских мастеров. – Новосибирск: Наука, 1982.
11. Ленхобоев Г.А., Герасимова К.М. Материалы о народных умельцах Оронгоя // О бурятском изобразительном искусстве: Статьи и материалы / Отв. ред. К.М. Герасимова. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – С. 135-153.
12. Нацов Г.-Д. Материалы по ламаизму в Бурятии. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ, 1998.
13. Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сборник статей / Отв. ред. И. Ф. Муриан. М.: Наука, 1973. – 254 с.
14. Соктоева И.И. Изобразительное искусство бурят // Очерки истории культуры Бурятии. В 2-х тт. / Общ. ред.: Д. Д. Лубсанов (гл. ред.) и др. – Улан-удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. – Т.1., гл. VIII. – С. 243-250.
15. Der Weise und der Tor. Buddhistische Legenden aus Tibet. Aus dem Tibetischen übersetzt von I.J. Schmidt. Herausgegeben von Roland Beer. Leipzig, Weimar, 1978.

Статья поступила в редакцию 11.11.2019 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.005

S.-TS. TSYBIKOV AS A CREATOR OF THE FIRST BURYAT SCHOOL OF BUDDHIST SCULPTURE

Bardaleeva Svetlana Batyurovna
Curator of the Buddhist collection,
National Museum of the Republic of Buryatia.
Russia, Ulan-Ude.
sbardaleeva@mail.ru

Abstract

The article considers the creative heritage of S.-Ts. Tsybikov and his students, representing the Orongoy school of wooden sculpture, created by the master in the parish of the Yangazhinsky datsan in the late XIX – early XX centuries. The author of the article aims to present the paradigmatic, reference works of old Buryat masters, who created the basis for the creativity of the next generations of sculptors and artists.

Keywords: Orongoy; Orongoy school; wood carving; Buryat sculpture; Buddhist art; datsan; canons of iconometrics; polychrome; gilded painting.

Bibliographic description for citation:

Bardaleeva S.B. S.-Ts. Tsybikov as a creator of the first Buryat school of Buddhist sculpture. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2019, No. 4 (15), pp. 50-65. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.005. Available at: <https://readymag.com/u50070366/1641189/13/> (In Russian).

References

1. Badmazhapov Ts.-B.B. *K interpretatsii izobrazheniya bozhestva iz mandaly Kunriga* [On the interpretation of the image of the deity from the Kunrig mandala]. In: *Buddizm i literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo narodov Tsentral'noi Azii* [Buddhism and the literary and artistic creation of the peoples of Central Asia. Ed. by R.E. Pubaev]. Novosibirsk, Nauka, 1985, pp. 116-120. (In Russian)
2. Balzhurova A.Zh. *Formirovanie buryatskikh shkol tkhankopisi v kontse XIX – nachale XX v.* [The formation of the Buryat schools of thangkography in the late XIX – early XX centuries]. In: *Buddiiskoe iskusstvo: traditsii i innovatsii* [Buddhist art: traditions and innovations: proceedings of II International Scientific Symposium August 4-6, 2017, Ulan-Ude. Ed. by V.V. Demenova]. Yekaterinburg, Ural Federal University, 2019, pp. 95-107. (In Russian)
3. Bardaleeva S.B. *Vayatel' svyashchennykh obrazov* [The sculptor of sacred images]. In: *Nasledie narodov Rossiiskoi Federatsii. Sokrovishcha kul'tury Buryatii* [Heritage of the peoples of the Russian Federation. Treasures of the culture of Buryatia]. St. Petersburg, 2002, pp. 256-267. (In Russian)
4. Bardaleeva S.B. *Sanzhi-Tsybik Tsybikov (1877–1934) i shkola buddiiskoi skul'ptury v Yangazhinskom datsane* [Sanji-Tsybik Tsybikov (1877–1934) and the school of Buddhist

sculpture in the Yangazhinsky datsan]. In: *Sanzhi-Tsybik Tsybikov* [Sanji-Tsybik Tsybikov]. Ulan-Ude, Buddhist Traditional Sangha of Russia, 2006, pp. 8-14. (In Russian)

5. Bardaleeva S.B. *Traditsii shkoly S.-Ts. Tsybikova i ikh vliyaniye na tvorchestvo sovremennykh masterov* [Traditions of the school S.-Ts. Tsybikov and their influence on the work of modern masters]. In: *Sovremennoye buddiiskoe iskusstvo: traditsii i innovatsii* [Modern Buddhist art: traditions and innovations: proceedings of International Scientific Symposium. Ed. by V.V. Demenova, O.A. Urozhenko]. Yekaterinburg, Ural Federal University, 2015, pp. 72-80. (In Russian)

6. *Buryatskaya derevyannaya skul'ptura* [Buryat wooden sculpture. Comp. by I.I. Soktoeva, K.M. Gerasimov. Ed. by V.Ts. Naydakov]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 77 p. (In Russian)

7. Gerasimova K.M. *Buryatskoe iskusstvo XVIII – nach. XX vv* [Buryat art XVIII – beg. XX centuries]. *Iskusstvo – Art*, 1972, No. 9, pp. 58-66. (In Russian)

8. Gerasimova K.M. *Pamyatniki esteticheskoi mysli Vostoka: Tibetskii kanon proporsii* [Monuments of aesthetic thought of the East: Tibetan canon of proportions. Ed. by B.V. Semichov]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971, 304 p. (In Russian)

9. *Katalog vystavki «Iskusstvo Buryatii XVIII – XIX vv.»* [Catalog of the exhibition «Art of Buryatia XVIII – XIX centuries». Introductory by K.M. Gerasimova and I.I. Soktoeva]. Moscow, 1970. 51 p. (In Russian)

10. Lebel M.N. *Konservatsiya i rekonstruktsiya ritual'noi skul'ptury buryatskikh masterov* [Preservation and reconstruction of the ritual sculpture of the Buryat masters]. Novosibirsk, Nauka, 1982. (In Russian)

11. Lenkhoboev G.L., Gerasimova K.M. *Materialy o narodnykh umel'tsakh Orongoya* [Materials about folk craftsmen of Orongoy]. In: *O buryatskom izobrazitel'nom iskusstve* [On Buryat fine art: Articles and materials. Ed. by K.M. Gerasimova]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, pp. 135-153. (In Russian)

12. Natsov G.-D. *Materialy po lamaizmu v Buryatii* [Materials on Lamaism in Buryatia]. Ulan-Ude, Buryat National Center, 1998. Part 1, 2. (In Russian)

13. *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* [The canon problem in the ancient and medieval art of Asia and Africa: Collection of articles. Ed. by I.F. Murian]. Moscow, Nauka, 1973. 254 p. (In Russian)

14. Soktoeva I.I. *Izobrazitel'noye iskusstvo buryat* [Fine art of the Buryats]. In: *Ocherki istorii kul'tury Buryatii. V 2-kh tt.* [Essays on the history of culture of Buryatia. In 2 vols. Ed. by D.D. Lubsanov]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. Vol. 1., Ch. VIII, pp. 243-250. (In Russian)

15. Der Weise und der Tor. Buddhistische Legenden aus Tibet. Aus dem Tibetischen übersetzt von I.J. Schmidt. Herausgegeben von Roland Beer. [The way and the gate. Buddhist legends from Tibet. Translated from Tibetan by I.J. Schmidt. Edited by Roland Beer]. Leipzig, Weimar, 1978. (In German)

Received: November 11, 2019.